Российская Соціальдемократическая Рабочая Партія

ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

РОССІЙСКОЙ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТІИ

СУДЪ

НАДЪ

КАРПОВИЧЕМЪ

И

ЛАГОВСКИМЪ

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ.

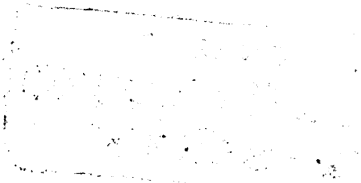
Изданіе Союза Русскихъ Соціальдемократовъ.

Цѣна 10 сант.

ЖЕНЕВА.

Типографія Союза: Genève, route de la Cluse, 7.

1901.



ПО ПОВОДУ ДВУХЪ ПОКУШЕНІЙ.

(Вмѣсто предисловія).

14 февраля бывш. студентъ Петръ Карповичъ выстрѣломъ смертельно ранилъ министра народнаго просвѣщенія Боголѣпова. Въ ночь на 9 марта самарскій земскій служащій Лаговскій сдѣлалъ 4 выстрѣла въ окно оберъ-прокурора синода Побѣдоносцева. Оба они хорошо знали, что жертвуютъ своей жизнью и не дѣлали ни малѣйшей попытки, чтобы ее спасти: когда Карповича схватили послѣ выстрѣла, онъ заявилъ: „Не бойтесь, я не уйду. Я сдѣлалъ свое дѣл." На судѣ же онъ выразилъ удивленіе, что его не судятъ военнымъ судомъ: онъ былъ увѣренъ, что его казнятъ. Лаговскій тоже показалъ на слѣдствіи, что онъ сознательно не пытался бѣжать, чтобы выстрѣлы не могли ложно истолковать.

Карповичъ и Лаговскій сознательно шли на подвигъ, при чемъ ни у того, ни у другого не было никакой личной злобы противъ намѣченныхъ ими лицъ: Лаговскій не зналъ въ лицо Побѣдоносцева, а Карповичъ, по заявленію суда имѣлъ даже основаніе быть признательнымъ министру за оказанное ему нѣкогда личное вниманіе.

Было время, когда партія Народной Воли вела упорную террористическую борьбу съ самодержавнымъ правительствомъ. Каковъ бы ни былъ отдаленный, скрытый источникъ нравственной энергіи всего народовольческаго движенія, непосредственно каждый народоволецъ черпалъ свою отвагу въ сплоченной организаціи, которая поглощала всю жизнь каждаго изъ ея членовъ безъ остатка и связывала ихъ узами крови и мученичества. Это были рыцари свободы, порвавшіе со всѣми обыденными интересами и понятіями, имѣвшіе свои преданія и своихъ свя-

тыхъ... Карповичъ и Лаговскій были легальные люди, не порвавшіе связи съ жизнью и дѣйствовавшіе не по волѣ какой-либо тайной организаціи: Лаговскій настолько былъ лишенъ всякой поддержки со стороны, что наканунѣ выстрѣла вынужденъ былъ крайней нуждой заложить свой пиджакъ и жилетъ, а при арестѣ у него нашли всего 4 коп. Карповичъ же окончательно рѣшилъ стрѣлять въ министра Боголѣпова только въ послѣднюю минуту, когда этотъ министръ народнаго просвѣщенія въ его присутствіи заявилъ черниговскому городскому головѣ: „*Мы не можемъ открывать училища для разночинцевъ.* Представьте намъ удостовѣреніе, что въ училищѣ нуждаются состоятельные классы общества“. Какая же сила толкнула этихъ двухъ человѣкъ на подвигъ и какой онъ имѣлъ смыслъ?

Мы знаемъ, что послѣ 1-го марта 81 года продолжала существовать партія Народной Воли съ ея террористической тактикой. Не мало отважныхъ бойцовъ было въ этой партіи и послѣ 1-го марта, а все-таки рука ихъ все болѣе и болѣе слабѣла, тогда какъ Карповичъ и Лаговскій дерзнули напасть лицомъ къ лицу на людей, „стоящихъ у самыхъ ступеней престола“. Трудно предположить, чтобы они были бо́льшіе герои, чѣмъ цѣлая вереница лицъ, повѣшенныхъ и замученныхъ въ казематахъ въ 80-хъ годахъ и все-таки не ушедшихъ дальше приготовленій къ покушенію. Сила, очевидно, была не только въ нихъ, а еще больше въ той грозовой атмосферѣ, въ томъ электричествѣ, которое накопилось въ воздухѣ передъ началомъ памятныхъ событій. Выстрѣлъ Карповича невозможно ни понять, ни оцѣнить внѣ связи съ пережитымъ нами въ послѣдніе мѣсяцы историческимъ моментомъ.

Буря, которая пронеслась недавно по Россіи, казалась неожиданной, какъ все стихійное; тѣмъ не менѣе она давно подготовлялась и была только взрывомъ издавна накоплявшейся скрытой энергіи. За послѣдніе два-три десятка лѣтъ съ возрастающей быстротой разрушались тѣ основы, на которыхъ выросло нѣкогда доброе согласіе между народомъ и гнетущей его властью. Въ настоящее время чиновничій произволъ, исходящій отъ самодержавія, ощущается какъ тяжелый кошмаръ значительной частью населенія. Самые разнообразные слои

населенія чувствуютъ потребность въ огражденіи своихъ правъ, но они пришли къ этому сознанію разными путями и обнаруживаютъ его разнымъ образомъ. Вслѣдствіе этого въ обычное время историческихъ будней трудно было опредѣлить насколько эти разныя проявленія недовольства связаны, другъ съ другомъ общей подкладкой, насколько эта связь сознается разными элементами населенія и насколько велики скрытыя силы этого недовольства.

Въ разношерстной массѣ простонародья со времени освобожденія крестьянъ росло уваженіе къ своему личному достоинству и къ своимъ человѣческимъ правамъ. Растущая личность сѣряка наталкивалась на каждомъ шагу на колючіе шипы нашихъ порядковъ и въ массѣ естественно возникло глухое недовольство; но оно размѣнивалось на самыя разнообразныя, разрозненныя личныя столкновенія, а иногда на личныя драмы...

Гораздо болѣе ясный и опредѣленный политическій смыслъ имѣло всегда недовольство нашего либеральнаго культурнаго общества. Но оно было лишено всякой революціонной энергіи. Либеральное буржуазное общество, которое нуждается въ правительствѣ и въ которомъ правительство нуждается, высказывало всегда свои завѣтныя политическія пожеланія только въ видѣ вѣрноподданныхъ адресовъ и ходатайствъ и только тогда, когда правительство находилось въ критическомъ положеніи.

Съ теченіемъ времени очагомъ революціонной энергіи у насъ, какъ и на Западѣ, сталъ наиболѣе обдѣленный классъ —пролетаріатъ. Борьба труда съ капиталомъ, разлившаяся въ послѣднее время широкой волной по Россіи, открыла глаза рабочимъ на ихъ силу и исподволь посвящала ихъ въ тайны нашего государственнаго механизма. Хотя это была преимущественно борьба между рабочими и хозяевами, но внушительные размѣры ея заставили звучать самыя различныя общественныя струны, заставили разные элементы общества, непосредственно не заинтересованные въ этой борьбѣ, занять ту или иную позицію по отношенію къ рабочимъ, благодаря чему рабочіе научились различать своихъ политическихъ дру-

зей и враговъ... Вмѣстѣ съ ростомъ экономической борьбы у рабочихъ зрѣла ненависть къ своему жесточайшему врагу — самодержавному правительству, и любовь къ своему единственному искреннему другу — учащейся молодежи и пролетарской интеллигенціи. И не даромъ. Въ то время, какъ либеральное буржуазное общество неизмѣнно обращало взоры къ правительству съ тайной мыслью: „осчастливитъ или обманетъ?“,— значительная часть учащейся молодежи всегда чутко прислушивалась къ тому, что дѣлается тамъ внизу, въ царствѣ труда и нужды. Благодаря этой чуткости молодежи, ростущее рабочее движеніе воскресило въ ней заглохшій было боевой духъ и ободрило ее въ борьбѣ за свободную университетскую науку и за свободную студенческую жизнь, въ борьбѣ противъ политическаго произвола.

Быстро росъ за послѣдніе годы революціонный духъ рабочихъ и молодежи; вмѣстѣ съ тѣмъ росъ и политическій гнетъ самодержавнаго правительства. Оно не хотѣло, да и не могло уступить, потому что примирить съ самодержавіемъ теперь можетъ только одна уступка — отреченіе отъ самодержавія. Все глубже и глубже запускало правительство свои дряхлѣющіе когти въ тѣло народное. Мрачная тѣнь „князя тьмы“ Побѣдоносцева росла въ теченіе двухъ царствованій и покрыла всю Россію. Его великая вѣра въ силу мрака, ханжества и лицемѣрія укрѣпляла нѣкогда „царя-миротворца“, а нынѣ его сына въ ихъ злодѣяніяхъ. Когда, послѣ убійства Александра II, правительство обнаружило колебанія, Побѣдоносцевъ 3 марта писалъ царю по поводу сооруженія часовни елейнымъ стилемъ московскаго дьяка: „Ваше императорское величество, пусть шумитъ вокругъ проклятая петербургская интеллигенція со всѣми ея безумными звонцами; но пусть будетъ святая тишина для русскаго сердца“. По его настоянію, царь разорвалъ манифестъ, призывавшій къ содѣйствію общество... и водворилась у насъ святая тишина кладбища, нарушаемая только карканьемъ вороновъ. Когда въ слѣдующее царствованіе разросшееся рабочее движеніе опять нарушило покой самодержавнаго правительства, Побѣдоносцевъ поспѣшилъ его убаюкать вѣщими словами: „Да, говорилъ онъ въ государств.

совѣтѣ, восьмичасовая норма, 1-е Мая и многое другое—это бездна, въ которую стремится человѣчество. Но у насъ все это чужое, наносное. У насъ нѣтъ условій, которыя существуютъ на Западѣ; до сихъ поръ еще у насъ удерживаются патріархальныя отношенія между фабрикантами и рабочими, не порвана связь съ землей. . Увлеченія у насъ безсознательны и неосмысленны". „Безсознательность и неосмысленность"—вотъ фундаментъ самодержавнаго порядка, который охраняли Побѣдоносцевъ и его присные. Вотъ на чемъ приверженцы самодержавія строятъ свое благополучіе. Но сѣя кругомъ мракъ, затушевывая всѣ бѣдствія народныя, твердя на всѣ лады, что „у насъ все обстоитъ благополучно", эти духи тьмы роковымъ образомъ сами были поражены слѣпотой: правительство не имѣло никакого мѣрила для опредѣленія настроенія умовъ въ народѣ. Оно смутно чуяло ростъ недовольства въ разныхъ слояхъ населенія, но все это были повидимому только недовольства частичныя: рабочіе были видимо недовольны фабричными порядками и безработицей, масса мѣщанства была видимо недовольна полицейскими прижимками, студенты были видимо недовольны отсутствіемъ академической свободы, легальная печать видимо задыхалась отъ цензуры,— но что всѣ эти общественные элементы таили въ себѣ, чего они не договаривали, то было скрыто отъ правительства. Правительство, задушившее всякій намекъ на свободное слово, не могло знать, насколько разные элементы общества связывали свое частное недовольство съ общимъ порядкомъ нашего государственнаго управленія, насколько всѣ эти отдѣльные ручьи близки къ тому, чтобы слиться въ одинъ бурный потокъ...

Какъ бы къ довершенію ослѣпленія правительства бѣдствія, обрушившіяся въ самое послѣднее время на Россію въ прямой или косвенной связи съ нашимъ „образомъ правленія", затормозили сложившіяся уже формы рабочаго и студенческаго движеній и вогнали болѣзнь внутрь.

Широкая стачечная борьба, постепенно втягивавшая рабочихъ въ политическую жизнь, подъ вліяніемъ ничѣмъ не предупрежденной и ничѣмъ не смягченной жестокой безработицы

смѣнилась зловѣщимъ затишьемъ. Широкое студенческое движеніе было втиснуто въ узкое русло небывалой мѣрой, придуманной правительствомъ во время каникулярнаго перемирія —„временными правилами“.

Правительство, окутанное мракомъ, который оно само сѣяло въ Россіи, не подозрѣвало близости своего посрамленія и, не смущаясь, дѣлало свое заплечное дѣло. Наскучивши современными мѣрами „предупрежденія и пресѣченія“, оно воскрешало давно забытые пріемы николаевскихъ временъ и даже средневѣковья: студенты отдавались въ солдаты, а величайшаго писателя Россіи Толстого собирались церковнымъ синклитомъ торжественно отлучить отъ церкви. Правительственныя мѣры на цѣлые вѣка отстали отъ понятій большинства современной грамотной Россіи и сильнѣйшимъ образомъ оскорбили общественную совѣсть.

Бываетъ и въ свободной странѣ, что правительство злоупотребляетъ своей властью и преступно посягаетъ на интересы и на чувства народные. Въ такихъ случаяхъ политическій строй свободной страны предоставляетъ народу возможность привлечь министерство къ законной отвѣтственности, отставить его или даже предать его суду; въ свободной странѣ только безумные и младенцы не отвѣтственны за свои поступки. У насъ же законъ не даетъ никакихъ средствъ для привлеченія правительства къ отвѣтственности за его преступленія. Самодержавная страна знаетъ только одну форму отвѣтственности министровъ — ихъ смерть, и неудивительно, что, когда наши представители власти излишнимъ усердіемъ навлекаютъ на себя ненависть всего общества, это общество проникается нетерпѣливымъ ожиданіемъ ихъ естественной или насильственной смерти. И на этотъ разъ большинство культурнаго общества, оскорбленное въ самыхъ обычныхъ своихъ чувствахъ и понятіяхъ, по обыкновенію пассивно ждало, чтобы какая-нибудь посторонняя сила или какая-нибудь счастливая случайность обрушилась на голову Гоголѣнка и сыграла бы, такимъ образомъ, роль общественной Немезиды. Но въ массѣ населенія, возмущенной мѣрами правительства, далеко не всѣ были пассивно настроены.

Энергія, которая постепенно накоплялась въ пробуждавшейся рабочей массѣ за послѣднее десятилѣтіе, создала извѣстную общественную атмосферу: она будила къ жизни наиболѣе отзывчивые элементы интеллигентной молодежи, вселяла въ нихъ вѣру въ близкое освобожденіе Россіи отъ душившаго ее кошмара, и чѣмъ безцеремоннѣе дѣлался гнетъ правительства, тѣмъ сильнѣе билъ пульсъ у молодежи, тѣмъ сильнѣе разжигалась ея кровь, росла ея отвага, тѣмъ нетерпѣливѣе дѣлались порывы къ подвигу и къ борьбѣ.

Неслыханная наглость правительства терроризировала трусливое общество и значительную часть студенчества. Но съ того дня, какъ кіевскихъ студентовъ стали отправлять на военную службу, наиболѣе энергичное меньшинство студенчества обнаруживало страстное желаніе поддержать своихъ товарищей, раздѣлить ихъ участь, отомстить за нихъ. Уѣзжающимъ солдатамъ устраивались бурные проводы на вокзалѣ, дѣлались лихорадочные призывы путемъ прокламацій, но эти протесты были недостаточно равносильнымъ отвѣтомъ на дѣйствія правительства, не способны были возстановить честь учащейся молодежи, поруганную Боголѣповымъ. Большинство молодежи было въ подавленномъ состояніи. Въ прокламаціяхъ все чаще слышатся горькіе упреки по адресу равнодушной массы... Въ атмосферѣ было душно, но такъ, какъ бываетъ передъ грозой. Когда организованный самоувѣренный деспотизмъ стоитъ лицомъ къ лицу съ назрѣвшимъ, напряженнымъ стихійнымъ недовольствомъ неорганизованной массы, когда назрѣлъ моментъ кризиса, необходимъ такой важный шагъ, такой смѣлый поступокъ, который хоть на моментъ уничтожилъ бы обаяніе власти, хоть на моментъ сдѣлалъ бы ее жалкой, для того чтобы увлечь массу на борьбу съ ней. И чѣмъ напряженнѣе чувство недовольства въ массѣ, тѣмъ болѣе можно быть увѣреннымъ, что такая смѣлая личная иниціатива откуда-либо появится. На этотъ разъ она явилась въ видѣ выстрѣла Карповича. Значеніе этого выстрѣла заключается не въ томъ, что онъ непосредственно нагналъ страхъ на правительство, какъ террористическій актъ, а въ томъ, что онъ нанесъ ему нрав-

ственное пораженіе и тѣмъ пробудилъ у студенчества рѣшимость къ открытой борьбѣ.

Нѣкогда еще гораздо болѣе сильное нравственное пораженіе нанесъ французскому правительству Карла X безкровный подвигъ—протестъ журналистовъ, послужившій сигналомъ къ іюльской революціи. На нашей памяти бросилъ въ лицо правительству въ своемъ знаменитомъ письмѣ Золя, смѣлый вызовъ который также послужилъ сигналомъ къ бурѣ, всколыхнувшей весь міръ, потому что это письмо нанесло нравственное пораженіе реакціонному правительству. .

Революціонная Россія отомстила правительству за издѣвательство надъ человѣческимъ достоинствомъ, которое живо ощущаютъ въ себѣ и готовы оберегать широкіе слои современной Россіи. Карповичъ одинъ, ни съ кѣмъ не совѣщаясь, рѣшился на свой подвигъ. Но то, что онъ сдѣлалъ, было только первымъ яркимъ проявленіемъ того напряженнаго чувства, которое глухо бродило въ широкихъ слояхъ населенія. Поэтому-то его выстрѣлъ былъ встрѣченъ съ такимъ ничѣмъ не скрываемымъ восторгомъ. Экспромптомъ возникшія соціалистическія группы, чисто студенческія организаціи со слабой политической окраской и, наконецъ, совсѣмъ неорганизованная интеллигентная молодежь, все что было молодого, честнаго и живого въ Россіи, горячо привѣтствовало геройскій подвигъ Карповича. *)

Боголѣповъ, сраженный выстрѣломъ Карповича, не былъ преступникомъ противъ существующихъ порядковъ; напротивъ того, онъ былъ слишкомъ яркимъ выразителемъ ихъ, онъ дѣйствовалъ съ согласія царя и совершенно въ духѣ самодержавія. Убійство Боголѣпова поэтому не могло успокоить общественнаго мнѣнія, какъ успокаиваетъ его приговоръ, испущенный надъ уголовнымъ преступникомъ. Боголѣповъ палъ, но

*) О проявленіяхъ сочувствія Карповичу см. 6-п и 7-й №№ Листка „Рабочаго Дѣла“. Укажемъ еще на то, что даже военный министръ Куропаткинъ вынужденъ былъ косвенно признать законность этого сочувствія — настолько оно было сильно и явно: провожая петербургскихъ студентовъ, отданныхъ въ солдаты, онъ имъ далъ слово, что Карповича не будутъ судить военнымъ судомъ, покуда онъ министръ.

режимъ, выдвигающій Боголѣповыхъ, остался цѣлъ. Вотъ почему выстрѣлъ въ Боголѣпова, нашедшій откликъ въ настроеніи лучшей части студенчества, послужилъ только сигналомъ къ взрыву негодованія противъ господствующаго режима. И замѣчательно, что тѣ самые слои населенія, которые послужили проводникомъ для электричества, зарядившаго Карповича, были также въ обратномъ порядкѣ проводниками для разрядившагося электричества. Если общій подъемъ политическаго духа рабочей массы зарядилъ идеализмомъ значительную часть студенчества и пробудилъ въ единицахъ жажду подвига, то и обратно, выстрѣлъ Карповича пробудилъ инициативу у наиболѣе рѣшительной части студенчества, которая въ свою очередь нашла откликъ у рабочихъ. Этотъ выстрѣлъ толкнулъ сотни студентовъ въ разныхъ городахъ на путь открытыхъ манифестацій. Хотя на этихъ манифестаціяхъ выставляли главнымъ образомъ спеціальныя студенческія требованія, но форма, въ которой они выставлялись, то, что они заявлялись передъ лицомъ народа, то, что они писались на красномъ знамени, наконецъ, моментъ, выбранный для манифестаціи,—19 февр.—день паденія рабства въ Россіи и 4-го марта—день мученической смерти политической заключенной Вѣтровой—все это не оставляло никакого сомнѣнія въ общемъ политическомъ смыслѣ этихъ манифестацій. Это всѣми чувствовалось и студенческія манифестаціи сразу втянули въ борьбу рабочія массы, простонародье и интеллигенцію—всѣ элементы, которые служатъ у насъ очагомъ недовольства противъ полицейскаго произвола и политическаго безправія, которые нуждались только въ ясномъ девизѣ и въ смѣломъ примѣрѣ для единодушнаго протеста противъ нашихъ порядковъ.

Нѣкогда съ самодержавіемъ вела геройское единоборство замкнутая террористическая организація Народной Воли, а общество и народъ относились къ этой борьбѣ, какъ зрители. Теперь это время прошло безвозвратно. Теперь съ самодержавіемъ ведетъ борьбу народъ. Центръ тяжести февральскихъ и мартовскихъ событій заключается не въ террористическихъ покушеніяхъ Карповича и Лаговскаго, а въ томъ революціонномъ настроеніи рабочихъ и молодежи, которое толкнуло двухъ

человѣкъ, не связанныхъ ни съ какими организаціями, на самоотверженный подвигъ, и особенно въ томъ массовомъ революціонномъ движеніи, которое послѣдовало за студенческими манифестаціями и которое связало всѣ частныя недовольства отдѣльныхъ слоевъ въ одинъ общій порывъ. Сразу сорванъ былъ покровъ, которымъ самодержавное правительство затемняло сознаніе народное, раздробляло силу сопротивленія отдѣльныхъ слоевъ населенія противъ политическаго гнета. Въ какихъ-нибудь нѣсколько дней массы народныя выросли въ своихъ глазахъ и престижъ всемогущества самодержавія пошатнулся. Оправдались слова, сказанныя нѣкогда французскимъ революціонеромъ: „Тираны кажутся народу великими лишь потому, что народъ стоитъ передъ нимъ на колѣняхъ“*).

Центръ тяжести недавнихъ событій, какъ я уже говорилъ, заключался не въ выстрѣлѣ Карповича, а въ массовомъ движеніи. Поэтому, когда 9-го марта раздались выстрѣлы Лаговскаго въ Побѣдоносцева, они произвели уже слабое впечатлѣніе. Отчасти, конечно, это объясняется тѣмъ, что выстрѣлы были неудачные. Но главнымъ образомъ слабое впечатлѣніе ихъ нужно приписать тому, что успѣвшее разыграться въ Петербургѣ, Москвѣ и Харьковѣ народное движеніе оставили въ тѣни этотъ поступокъ единичной личности. Выстрѣлъ Лаговскаго не нашелъ себѣ уже отклика, несмотря даже на то, что за двѣ недѣли до этого (20-го февраля) Побѣдоносцевъ— отлученіемъ Толстого отъ церкви — придалъ

*) Приводимъ, кстати, для характеристики событій нѣкоторые еще неопубликованные факты. Въ Москвѣ, во время памятныхъ февральскихъ дней народъ открыто издѣвался надъ властью. Начальники военныхъ патрулей разъѣзжали блѣдные и молчаливые, осыпаемые насмѣшками и криками „нагаечники“. Какой-то прохожій въ насмѣшку открыто предлагалъ полицейскому офицеру, стоявшему у манежа, рублевку, требуя пропуска къ арестованнымъ и приговаривая: „бери, бери, ты вѣдь привыкъ взятки брать“. Запрещенные листки совершенно открыто раздавались на улицахъ... Полкъ солдатъ, охранявшій манежъ, былъ насколько деморализированъ непрерывными издѣвательствами толпы, что, по словамъ очевидца, продолжайся это положеніе еще 2—3 дня и манежъ былъ бы взятъ приступомъ безъ сопротивленія. Въ Петербургѣ толпа встрѣтила свистомъ царя, бѣжавшаго въ Царское Село; какой-то чиновникъ при этомъ замѣтилъ: „его встрѣчаютъ совсѣмъ какъ Фигнера“...

новую силу тому отвращенію и той ненависти, которыя питаютъ всѣ сознательные элементы народа къ этому апостолу мрака и невѣжества.

* * *

Выстрѣлы Карповича и Лаговскаго были страшны лишь какъ симптомы революціоннаго настроенія массы. Выросшій сразу призракъ революціи поразилъ воображеніе правительства и побудилъ его разыграть надъ покушавшимися судебную комедію.

Судъ присяжныхъ, оправдавшій нѣкогда Вѣру Засуличъ, навсегда отбилъ у правительства охоту довѣрять свою тяжбу съ революціонерами общественному мнѣнію. Но все-таки у правительства до поры до времени хватало мужества открыто принимать вызовъ, бросаемый ему революціонерами и предавать ихъ своему суду, какъ политическихъ преступниковъ. Только со времени царствованія Александра III-го правительство стало прибѣгать къ лицемѣрнымъ средствамъ, чтобы какъ-нибудь скрыть и затушевать существующее у насъ политическое движеніе. Въ 1891 году, вскорѣ послѣ бунта политическихъ каторжанъ, правительство прекратило существованіе политической каторги на Карѣ и перевело заключенныхъ тамъ политическихъ преступниковъ въ Акатуй на общее уголовное положеніе. Слѣдуя этой политикѣ, правительство въ 1895 году стало ссылать въ Сибирь иностранныхъ военныхъ шпіоновъ въ томъ же порядкѣ, какъ оно ссылаетъ государственныхъ преступниковъ. Оно пыталось смѣшать въ глазахъ обывателей политическихъ преступниковъ съ продажными измѣнниками родинѣ. Недавно еще правительство приравняло ссыльныхъ стачечниковъ къ „лицамъ порочнаго поведенія“, а польскихъ товарищей нашихъ, Свидерскаго и Возняка, осужденныхъ въ 1900 г., оно содержитъ въ Москвѣ вмѣстѣ съ уголовными каторжанами. Правительство систематически старалось смѣшать политическое движеніе съ уголовщиной и,

такимъ образомъ, разсѣять то обаяніе, которымъ пользуются революціонеры въ различныхъ слояхъ населенія. Все это, конечно, ни къ чему не привело. Мы привыкли гордиться всякимъ гоненіемъ, которому насъ подвергаетъ правительство и считаемъ позорной всякую награду, которую оно намъ предлагаетъ. Несмотря на всѣ желанія правительства скрыть и скомпромоттировать существующее у насъ революціонное движеніе, оно все больше и больше привлекало къ себѣ вниманіе и симпатію населенія и это сразу съ небывалой силой сказалось въ послѣднихъ событіяхъ. Сознательные элементы громко привѣтствовали актъ Карповича, съ другой стороны, общество „отвернулось отъ гроба Боголѣпова“ (изъ письма проф. Бѣлелюбскаго) и открыто требовало суда надъ Клейгельсомъ. Этимъ сознательная Россія обнаружила, что она считаетъ уголовнымъ преступникомъ правительство, которое душитъ свободу, а не революціонеровъ, которые борются за нее.

При такихъ условіяхъ дурачить народъ по прежнему было совершенно безполезно и все-таки правительство прибѣгло къ этому средству. Оно судило Карповича и Лаговскаго, какъ уголовныхъ преступниковъ. Но теперь оно это дѣлало не потому, что надѣялось еще кого-то обмануть, а потому, что оно въ силу грознаго призрака революціи не осмѣлилось поднять брошенную ему въ лицо перчатку. Отказавшись признать политическій характеръ за покушеніями Карповича и Лаговскаго, правительство тѣмъ самымъ отказалось отъ своей солидарности съ самыми вѣрными представителями всей политики—съ Боголѣповымъ и Побѣдоносцевымъ. Больше того: оно признало, что министры самодержавнаго правительства не пользуются обычными преимуществами политической власти, что это частныя лица, похитившія власть надъ народомъ. Изъ страха передъ призракомъ революціи правительство отреклось отъ самаго себя. И столько прозрачной лжи и лицемѣрія ему пришлось употребить, чтобы открыть себѣ путь къ такому блестящему отступленію передъ опасностью!

Какъ только начались манифестаціи, судъ надъ Карповичемъ былъ отсроченъ. Вопреки всей прошлой практикѣ террористическихъ процессовъ, Карповичъ и Лаговскій судились

не военнымъ судомъ и не „особымъ присутствіемъ“ сената, а судебной палатой съ участіемъ сословныхъ представителей. Лаговскій на допросъ прямо заявилъ, что онъ стрѣлялъ въ Побѣдоносцева потому, что считалъ его „однимъ изъ главныхъ представителей того политическаго строя, который противорѣчитъ его взглядамъ“, и тѣмъ не менѣе онъ судился за простое покушеніе на убійство. Карповичъ на судѣ заявилъ, что онъ считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ стрѣлять въ министра народнаго просвѣщенія Боголѣпова, какъ въ представителя того режима, которому онъ не сочувствовалъ. Тѣмъ не менѣе онъ судился по 1454 ст., какъ за уголовное убійство. Въ томъ фактѣ, что Боголѣповъ не частный человѣкъ, а министръ, судъ усматривалъ не сущность преступленія, а лишь отягчающее обстоятельство. Вынужденное страхомъ и стыдомъ собственнаго существованія свести къ нулю министерское достоинство Боголѣпова, правительство за то, пыталось на судѣ неимовѣрно раздуть общую рыночную цѣнность жизни „тайнаго совѣтника“. „Въ древней Греціи, говорилъ прокуроръ на судѣ, безумецъ Геростратъ сжегъ чудо изъ чудесъ—храмъ богини Діаны Эфесской. Теперь нашелся другой безумецъ: желая прославиться, онъ уничтожилъ величайшее изъ благъ—человѣческую жизнь“. Какъ бѣдно прокурорское представленіе о красотѣ, если подлая жизнь Боголѣпова напоминаетъ ему чудо изъ чудесъ! Финалъ комедіи, которое царское правительство сыграло надъ Карповичемъ и Лаговскимъ, былъ вполнѣ достоинъ начала: послѣ того, какъ правительство путемъ всевозможныхъ натяжекъ превратило политическій актъ этихъ людей въ уголовное преступленіе, оно, какъ намъ сообщаютъ, заключило осужденнаго Карповича въ Шлиссельбургскую крѣпость—въ эту могилу, въ которой оно заживо погребаетъ исключительно своихъ злѣйшихъ политическихъ враговъ и лучшихъ сыновъ нашей родины.

Еще два дорогихъ имени присоединилось къ длинному списку мучениковъ за благо народное! Но мы можемъ утѣшиться: Карповичу выпала счастливая доля принести узникамъ, которые томятся уже два десятка лѣтъ въ шлиссельбургскихъ казематахъ, благую вѣсть о занимающейся зарѣ свободы.

Толстыя стѣны отдѣляютъ насъ пока отъ этихъ дорогихъ намъ людей. Они пожертвовали всѣмъ: молодостью, голубымъ небомъ, человѣческимъ обществомъ, всѣмъ, чѣмъ жизнь красна и оставили себѣ взамѣнъ одно—надежду. Долгіе томительные годы они проводятъ въ страстномъ ожиданіи счастливой минуты избавленія родины отъ деспотизма. Ради насъ и въ надеждѣ на насъ они пожертвовали своей жизнью, и мы поклянемся до послѣдняго издыханія помнить ихъ святой завѣтъ. Ихъ было мало на полѣ битвы, теперь насъ много, число и сила наша растетъ съ каждымъ днемъ. И близокъ часъ, когда на развалинахъ Шлиссельбурга борцы протянутъ руку мученикамъ!

* * *

Революціонное движеніе, недавно охватившее Россію, было въ значительной степени неожиданнымъ для самихъ его участниковъ. Всѣ чувствовали отсутствіе единства плана дѣйствія и отсутствіе руководителей. Это была первая проба силъ. При такихъ условіяхъ поднявшаяся волна долго продержаться не могла. По мѣрѣ того, какъ волна падала, правительство приходило въ себя и начинало показывать свои ежовыя рукавицы. Судя по послѣднимъ извѣстіямъ. оно теперь задалось цѣлью запереть въ тюрьму всю мыслящую Россію. Но напрасны его старанія: въ февральскіе и мартовскіе дни Россія приняла революціонное крещеніе. Это, конечно, далеко еще не революція, но это былъ прообразъ ея, который для правительства послужилъ грознымъ предостереженіемъ.

Прошелъ первый валъ, нагнавшій страхъ на самодержавное правительство; оно теперь оправилось. *Но пусть оно запомнитъ, что нравственное пораженіе въ этой первой схваткѣ потерпѣли не мы, а оно.* Оно растерялось, *оно не въ силахъ было раздавить и этого слабаго натиска:* онъ не былъ подавленъ, *онъ улегся самъ по себѣ*, потому что не назрѣла еще сила, достаточная для послѣдняго боя.

Но эта сила будетъ зрѣть съ каждымъ днемъ, пока не наступитъ девятый валъ...

Мы знаемъ теперь, что этотъ рѣшительный моментъ къ намъ сильно приблизился: мы уже пережили настроеніе революціи. Но когда и въ какомъ видѣ онъ предстанетъ передъ нами, предсказать невозможно, потому что въ моментъ революціи, въ отличіе отъ обычныхъ условій, борьба принимаетъ преимущественно стихійный характеръ.

Тамъ, гдѣ разыгрывается стихія, гдѣ дѣйствуетъ толпа, тамъ неизбѣжно должны быть и герои. Мы не можемъ предвидѣть, какихъ подвиговъ революціонный моментъ потребуетъ отъ этихъ героевъ. Одно только можемъ сказать съ увѣренностью: русская земля героями не оскудѣла!

Май 1901 г.

Процессъ П. В. Карповича.

17-го марта 1901 года въ зданіи С.-Петербургскаго Окружного Суда слушалось въ СПБ. Судебной Палатѣ съ участіемъ сословныхъ представителей уголовное дѣло о бывшемъ студентѣ сначала московскаго, а затѣмъ дерптскаго университета Петрѣ Владиміровичѣ Карповичѣ, обвиняемомъ въ предумышленномъ убійствѣ министра народнаго просвѣщенія, тайнаго совѣтника Боголѣпова.

Предсѣдательствовалъ старшій предсѣдатель Судебной Палаты Дейтрихъ. Три сословныхъ представителя: СПБ. губернскій предводитель дворянства— Зиновьевъ, городской голова—Лелявновъ и волостной старшина... Обвинялъ—товарищъ прокурора Судебной Палаты—Гредингеръ, а защищалъ, по на наченію отъ суда, присяжный повѣренный Турчаниновъ.

Съ утра всѣ входы въ судъ, кромѣ одного, были заперты, а самый судъ былъ наводненъ жандармами и полиціей. Когда открылось засѣданіе, предсѣдатель объявилъ, что дѣло будетъ слушаться при закрытыхъ дверяхъ, и приказалъ судебному приставу „очистить" залъ засѣданія, въ которомъ и безъ того не было никого изъ публики, а присутствовали лишь лица, приглашенныя по билетамъ самимъ Дейтрихомъ въ количествѣ до 50 человѣкъ.

Затѣмъ предсѣдатель, по прочтеніи коротенькаго обвинительнаго акта, предложилъ Карповичу вопросъ, признаетъ ли онъ себя виновнымъ въ предумышленномъ убійствѣ? На это Карповичъ отвѣтилъ, что признаетъ себя виновнымъ въ томъ, что выстрѣлилъ въ министра съ цѣлью устранить его, но что онъ не имѣлъ въ виду спеціально убить его. Послѣ этого Карповичъ объяснилъ, какъ это произошло. Оканчивая гимназію, онъ мечталъ объ университетѣ, какъ о храмѣ науки, и стремился всей душой въ него. Но когда онъ пріѣхалъ въ Москву и поступилъ въ московскій университетъ, такъ его сразу же встрѣтило глубокое разочарованіе: профессора оказались простыми чиновниками, думающими только о своей корысти и заработкѣ, студенчество же было отдано подъ ближайшій надзоръ педелей (изъ отставныхъ солдатъ). Сразу же поразилъ Карповича такой случай. Одинъ магистрантъ представилъ для полученія степени магистра къ защитѣ свою диссертацію. Она была совершенно безталанна, ненаучна и никуда негодна даже и не для спеціалиста. Обыкновенные рецензен-

ты диссертацій—профессора признали ее никуда негодной. Тогда попечитель округа, которымъ въ то время былъ Боголѣповъ, собственною властью назначилъ другихъ рецензентовъ, которые признали диссертацію и научной и достойной магистра. Затѣмъ въ Москвѣ произошла Ходынская катастрофа. Тысячи людей были задавлены среди бѣлаго дня на площади. Студенты рѣшили отслужить по нимъ панихиду. За это желаніе многіе были исключены, а въ томъ числѣ былъ исключенъ и онъ, Карповичъ. Тогда, спустя нѣкоторое время, онъ ходатайствовалъ телеграммой о разрѣшеніи ему поступить въ дерптскій университетъ. Получивъ разрѣшеніе, онъ переѣхалъ въ Дерптъ. Но въ это время всю Россію охватили извѣстные всероссійскіе студенческіе безпорядки 1899 г. и онъ былъ въ числѣ прочихъ исключенъ изъ университета. Тогда Карповичъ, продавъ домъ, который достался ему отъ отца, и выручивъ двѣ тысячи рублей, поѣхалъ въ Берлинъ учиться. Здѣсь все время онъ проводилъ въ Королевской библіотекѣ. Но и въ Берлинъ дошли тревожныя извѣстія о томъ, что дѣлается въ Россіи; изъ берлинскихъ газетъ Карповичъ узналъ о томъ, что въ Россіи вводятся „временныя правила“ объ отдачѣ студентовъ въ солдаты, безъ различія ихъ возраста, болѣзненности, семейнаго положенія. Карповичъ сначала не повѣрилъ этому, подумавъ, что берлинскія газеты распускаютъ клевету на русское правительство. Затѣмъ въ берлинскихъ газетахъ появилось извѣстіе о томъ, что въ Кіевѣ сдано въ солдаты за участіе въ простой сходкѣ по поводу избіенія двумя студентами же проститутки —около 30 студентовъ. Карповичъ не вѣрилъ. Но каковъ былъ его ужасъ, когда въ Берлинъ пришелъ „Правительств. Вѣстникъ“ и изъ него онъ узналъ, что въ дѣйствительности сдано въ солдаты болѣе 200 человѣкъ. Карповичъ хорошо знаетъ условія отбыванія воинской повинности въ Россіи и отлично понялъ, что грозитъ новымъ солдатамъ—не вольноопредѣляющимся, а по набору—жизнь въ казармахъ подъ командой, въ качествѣ начальства, простого дядьки-солдата, и т. д. Тогда онъ рѣшилъ, что нужно протестовать во что бы то ни стало. Но какъ? Писать въ газеты, подавать петицію? . Но вѣдь въ Россіи нельзя ничего писать въ газетахъ о студентахъ, кромѣ правительственныхъ сообщеній, а за петиціи, на которыя не обращается вниманія, лишь высылаютъ. Оставалось одно—выстрѣлъ. Онъ рѣшилъ пожертвовать собой. Онъ крайне удивляется, что его не судитъ военный судъ. Онъ былъ увѣренъ, что его казнятъ....

Тутъ предсѣдатель прервалъ Карповича: „Позвольте, подсудимый, но какъ же вы, такъ возмущаясь тѣмъ, что студентовъ осуждаютъ, сами рѣшились судить и даже привести свой приговоръ въ исполненіе?“

Карповичъ отвѣтилъ на это: „Что я передумалъ и перечувствовалъ передъ тѣмъ, какъ рѣшиться на свой шагъ, объ этомъ

я не стану говорить, но скажу лишь, что не жалѣю теперь, что сдѣлалъ. И вотъ я пріѣхалъ въ Петербургъ. Револьверъ я купилъ еще въ Берлинѣ. О томъ, что я предпринимаю, никто изъ моихъ знакомыхъ не зналъ. Пріѣхавъ, я сразу взялъ извощика и поѣхалъ на Казанскую улицу и остановился въ номерахъ въ домѣ № 11. Ни у кого въ Петербургѣ я не былъ, такъ какъ знакомыхъ у меня здѣсь нѣтъ. Я отправился на пріемъ къ министру съ заготовленнымъ заранѣе прошеніемъ. Мнѣ было указано мѣсто возлѣ черниговскаго городского головы Рудина. Когда министръ подошелъ къ Рудину, то послѣдній сталъ просить его о разрѣшеніи открыть въ Черниговѣ реальное училище. На это министръ отвѣтилъ: „Представьте намъ удостовѣреніе отъ болѣе состоятельныхъ помѣщиковъ и дворянъ, что они будутъ отдавать въ училище своихъ дѣтей и что въ училищѣ нуждаются состоятельные классы общества. Мы не желаемъ открывать училища для разночинцевъ. Эти слова министра рѣшили мой выстрѣлъ. Всякія колебанія у меня исчезли. Я выждалъ момента, когда на линіи выстрѣла никого не было, и выстрѣлилъ. Дальнѣйшее все извѣстно.“

Въ теченіе всего процесса ни Карповичъ, ни его защитникъ не задали ни одного вопроса ни свидѣтелямъ, ни эксперту.

Свидѣтель, извощикъ Синичкинъ показалъ, что Карповичъ, когда ѣхалъ съ вокзала, то былъ не въ томъ пальто, въ которомъ онъ былъ предъявленъ ему на предварительномъ слѣдствіи (извощикъ привезъ Карповича въ номера, въ которые постоянно возилъ пассажировъ). Другой свидѣтель, чиновникъ министерства народнаго просвѣщенія, показалъ, что, увидя Карповича, онъ подумалъ: „Какой несчастный молодой человѣкъ, какой нервный и больной! Онъ хотя и былъ спокоенъ, но блѣденъ, руки тряслись и на лицѣ были замѣтны нервныя подергиванія“.

Прокуроръ Гредингеръ началъ свою рѣчь съ указанія, что не слѣдуетъ поддаваться впечатлѣнію искренности рѣчи Карповича, что въ ней звучитъ фальшь, такъ какъ онъ не можетъ допустить, чтобы человѣкъ, который идетъ убивать другого, могъ думать о направленіи выстрѣла. Излагая далѣе обстоятельства дѣла и доказывая, что здѣсь несомнѣнно было предумышленное убійство, —прокуроръ заключилъ свою рѣчь такъ: „Въ древней Греціи былъ одинъ безумецъ Геростратъ. Желая прославиться и не имѣя возможности этого достигнуть, этотъ безумецъ сжегъ чудо изъ чудесъ— храмъ богини Діаны Эфесской. Теперь нашелся другой безумецъ —желая прославиться, онъ уничтожилъ величайшее изъ благъ— человѣческую жизнь. Этотъ Геростратъ передъ вами. Вотъ онъ на скамьѣ подсудимыхъ.“ Прокуроръ при этомъ величественно указалъ на подсудимаго.

Послѣ этого поднялся защитникъ Турчаниновъ: „Я хочу прежде всего разсѣять весьма тягостное впечатлѣніе, которое произве-

ла рѣчь г-на прокурора. Сейчасъ онъ обвинялъ не Карповича, а всѣхъ насъ, которые присутствуютъ здѣсь, онъ обвинялъ васъ, господа судьи. Г. прокуроръ утверждаетъ, что мы судимъ безумца—это неправда. Въ настоящее время судъ не судитъ безумцевъ, и завѣдомое участіе въ такомъ судѣ было бы преступленіемъ. А теперь другое—я уже старикъ, я навѣрно опытнѣе васъ всѣхъ въ политическихъ процессахъ, я защищаю по назначенію суда, начиная съ первыхъ покушеній на Александра II-го, и судъ всегда мнѣ вѣрилъ, назначая какъ защитника на такія отвѣтственныя дѣла. Повѣрьте и вы моей сѣдинѣ. Вы, судьи, знаете обвиняемаго только въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, его душа остается для васъ въ потемкахъ, а вѣдь вы судите живого человѣка. Мы, защитники имѣемъ право входить къ обвиняемому, говорить съ нимъ наединѣ. Передъ нами открываются не только двери ихъ камеръ, но и, что самое главное, ихъ душа. И вотъ, побывавъ уже нѣсколько разъ у Карповича, поговоривъ съ нимъ съ глазу на глазъ, я съ глубокимъ убѣжденіемъ могу сказать одно: такого скромнаго, простого, искренняго человѣка, чуждаго малѣйшей рисовки, я никогда не видѣлъ среди политическихъ и вообще рѣдко встрѣчалъ среди людей."

Далѣе защитникъ доказывалъ, что въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о предумышленномъ убійствѣ, что Карповичу это обвиненіе предъявлено совершенно неправильно и въ явное нарушеніе законовъ. Карповича можно обвинить только въ предумышленномъ нанесеніи тяжкой раны, послѣдствіемъ коей была смерть, но не въ убійствѣ, ибо самъ экспертъ говоритъ, что смерть явилась не прямымъ результатомъ поврежденія какого-либо органа, а была слѣдствіемъ болѣзни спиннаго мозга, обусловленной полученіемъ тяжкой раны. Свою рѣчь Турчаниновъ закончилъ словами: „Г.г. судьи, вы судите не обыкновеннаго убійцу, а человѣка идеи; для такихъ людей, какъ Карповичъ, не страшны наказанія, потому что, идя на свое дѣло, они уже заранѣе приносятъ свою жизнь въ жертву. Съ такими людьми идеи, съ идеями можно бороться—только идеями."

Карповичъ не воспользовался правомъ послѣдняго слова.

Засѣданіе окончилось около четырехъ часовъ дня.

Предсѣдатель передъ оглашеніемъ приговора приказалъ приставу открыть двери засѣданія для публики. Приставъ открылъ ихъ, но никто не вошелъ, такъ какъ двери изъ зала засѣданія выходили въ корридоръ, защищаемый съ обоихъ концовъ многими жандармами.

Затѣмъ предсѣдатель прочиталъ приговоръ

1901 года марта 17-го дня въ 9 час. 40 мин. утра въ залѣ судебныхъ засѣданій С.-Петербургскаго Окружного Суда настоящій приговоръ объявленъ мною при открытыхъ дверяхъ присутствія съ точнымъ соблюденіемъ 829—834 и 842 ст. Устава Уголовнаго

Суд. при товарищѣ прокурора Ф. І. Гредингерѣ и исполняющемъ должность секретаря П. М. Домерщиковѣ.

Подсудимый къ выслушанію приговора былъ доставленъ изъ дома предварительнаго заключенія.

Приговоръ.

1901 года марта 17-го дня, по указу Его Императорскаго Величества, С.-Петербургская Судебная Палата въ особомъ присутствіи съ участіемъ сословныхъ представителей, въ г. С.-Петербургѣ въ закрытомъ судебномъ засѣданіи, въ которомъ присутствовали старшій предсѣдатель В. Ф. Дейтрихъ, члены Палаты: В. Э. Длотовскій, П. Г. Архиповъ и П. Ф. Бологовскій, С.-Петербурскій губернскій предводитель дворянства А. Д. Зиновьевъ, С.-Петербургскій городской голова Н. Н. Лелявновъ, С.-Петербургскаго уѣзда Рыбинскій волостной старшина А. Д. Зотовъ, товарищъ прокурора Ф. І. Гредингеръ, испр. долж. секретаря П. М. Домерщиковъ, *слушала* дѣло о гомельскомъ мѣщанинѣ Петрѣ Владиміровичѣ Карповичѣ, преданномъ суду по обвиненію его въ томъ, что онъ, задумавъ лишить жизни тайнаго совѣтника Боголѣпова, въ качествѣ лица, занимавшаго постъ министра народнаго просвѣщенія, съ этою цѣлью пріобрѣлъ револьверъ и пріѣхалъ 12 февраля 1901 г. изъ-заграницы въ С.-Петербургъ, а 14-го того же февраля, имѣя при себѣ означенный револьверъ, который предварительно зарядилъ пятью боевыми патронами, пришелъ въ пріемную комнату зданія министерства народнаго просвѣщенія близъ Чернышева моста, сталъ среди ожидавшихъ министра просителей и, когда т. с. Боголѣповъ приблизился къ нему, выстрѣлилъ въ него и нанесъ ему тяжелую рану въ правую сторону шеи, отъ каковой раны министръ 2-го марта 1901 года скончался.

Выслушавъ судебное слѣдствіе и пренія сторонъ и обращаясь къ разрѣшенію вопроса о виновности подсудимаго Карповича, Особое Присутствіе Судебной Палаты находитъ, что внѣшняя, фактическая сторона вмѣняемаго Карповичу въ вину преступнаго дѣянія установлена не только показаніями спрошенныхъ а судѣ свидѣтелей Синичкина, Петрова, Степанова, Федотова, Сутновскаго, Образцова, Ботина и Соловьева, изъ конхъ послѣдніе четыре были очевидцами преступленія, но и собственнымъ признаніемъ подсудимаго, вполнѣ согласнымъ съ обстоятельствами дѣла. Подсудимый Карповичъ на судебномъ слѣдствіи объяснилъ, что онъ признавалъ дѣятельность т. с. Боголѣпова, какъ министра народнаго просвѣщенія, бывшаго попечителя учебнаго округа и, наконецъ, какъ ректора московскаго университета, вредною и противною интересамъ учащейся молодежи, и особенно будучи раз-

драженъ мѣропріятіями его по поводу послѣднихъ студенческихъ безпорядковъ въ кіевскомъ университетѣ, рѣшилъ устранить его съ арены государственной дѣятельности и съ этой цѣлью, еще въ бытность свою въ Берлинѣ, гдѣ проживалъ послѣднее время, пріобрѣлъ револьверъ, для того чтобы изъ него стрѣлять въ министра. 12-го февраля онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и, узнавъ тогда же отъ швейцара министра народнаго просвѣщенія о пріемныхъ дняхъ и часахъ министра, 14-го февраля, въ среду, зарядивъ револьверъ пятью боевыми патронами, въ началѣ 2-го часа вошелъ въ пріемную залу министерства подъ предлогомъ подачи министру лично прошенія о допущеніи его къ экзаменамъ въ Технологическій Институтъ. Прошеніе это было составлено имъ съ цѣлью при посредствѣ его имѣть возможность войти въ пріемную министра. Когда онъ вошелъ, то пріемъ у министра уже начался. Однимъ изъ чиновниковъ ему было указано мѣсто рядомъ съ другимъ просителемъ, черниговскимъ городскимъ головою Рудинымъ. Послѣ того какъ министръ, окончивъ разговоръ съ Рудинымъ, нѣсколько подвинулся къ нему, то онъ, Карповичъ, выстрѣлилъ въ него почти въ упоръ и, какъ оказалось, нанесъ ему этимъ выстрѣломъ тяжелую рану въ правую сторону шеи, отчего министръ немедленно же упалъ на полъ.—Спрошенный въ качествѣ свидѣтеля докторъ Цейдлеръ, въ числѣ другихъ врачей пользовавшій раненаго министра, удостовѣрилъ на судѣ, что нанесенная 14-го февраля Боголѣпову рана нарушила цѣлость пищевода, что первое время болѣзнь протекала нормально, но что съ теченіемъ времени у больного постепенно появились невралгическія боли въ области лопатокъ, отечность покрововъ, высокая температура и паралитичное состояніе конечностей, указывавшее на воспаленіе спинно-мозговыхъ оболочекъ. Воспаленіе это стало быстро прогрессировать и привело больного 2-го марта, на 16-й день послѣ ранения, къ смерти. Основываясь какъ на изложенныхъ данныхъ, такъ и на произведенномъ судебно-врачебномъ осмотрѣ и внутреннемъ изслѣдованіи органовъ шеи покойнаго, профессоръ Косоротовъ, спрошенный на судѣ въ качествѣ эксперта, удостовѣрилъ, что смерть т. с. Боголѣпова послѣдовала отъ воспаленія спинно-мозговыхъ оболочекъ. Воспаленіе это явилось естественнымъ осложненіемъ нанесенной министру 14-го февраля огнестрѣльной раны, при чемъ надлежитъ заключить, что смерть Боголѣпова воспослѣдовала отъ причиненной ему въ шею 14-го февраля огнестрѣльной раны.

Установивъ такимъ образомъ фактическую сторону дѣла и принимая во вниманіе, что для понятія преступленія, а слѣдовательно, и для уголовной отвѣтственности подсудимаго необходимо опредѣлить и характеръ его преступнаго умысла, поскольку послѣдній выразился въ его дѣйствіяхъ, Особое Присутствіе Судебной Палаты находитъ необходимымъ остановиться на разсмо-

трѣніи внутренней стороны совершеннаго преступнаго дѣянія. Подсудимый Карповичъ объяснилъ на судѣ, что онъ, находя дѣятельность министра народнаго просвѣщенія вредною, рѣшилъ стрѣлять въ т. с. Боголѣпова съ цѣлью его „устранить", при чемъ добавилъ, что въ его намѣреніе вовсе не входило непремѣнное желаніе лишить жизни покойнаго министра и что онъ былъ-бы удовлетворенъ и нанесеніемъ ему раны. Такое объясненіе Карповича однако не находитъ себѣ подтвержденія въ обстоятельствахъ дѣла. Подсудимый, какъ это установлено и показаніями свидѣтелей—очевидцевъ преступленія и собственнымъ сознаніемъ, стрѣлялъ въ министра народнаго просвѣщенія почти въ упоръ въ разстояніи отъ него не болѣе одного шага и въ верхнюю часть тѣла, изъ чего неизбѣжно надлежитъ придти къ заключенію, что Карповичъ имѣлъ прямое намѣреніе лишить т. с. Боголѣпова жизни. Выводъ этотъ является тѣмъ болѣе справедливымъ, что подсудимый какъ на предварительномъ слѣдствіи, такъ и на судѣ признавалъ, что рѣшился „устранить" министра народнаго просвѣщенія Боголѣпова съ арены его государственной дѣятельности и для сего, какъ онъ добавилъ у судебняго слѣдователя, нашелъ необходимымъ „убить или ранить министра". Вышеизложенныя обстоятельства дѣла и соображенія приводятъ Особое Присутствіе Палаты къ безусловному убѣжденію въ томъ, что, стрѣляя изъ револьвера въ покойнаго министра народнаго просвѣщенія, подсудимый Карповичъ имѣлъ намѣреніе лишить его жизни, а потому онъ и долженъ быть признанъ виновнымъ въ убійствѣ т. с. Боголѣпова.

Принимая затѣмъ во вниманіе, что учиненное Карповичемъ убійство министра народн. просвѣщенія Боголѣпова задумано было имъ еще въ бытность его въ Берлинѣ, гдѣ онъ съ этой цѣлью пріобрѣлъ револьверъ, и что затѣмъ, слѣдуя строго обдуманному плану, онъ 12-го февраля прибылъ изъ-заграницы въ С.-Петербургъ, гдѣ также заранѣе принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы возможно успѣшнѣе привести въ исполненіе свое преступное намѣреніе, и гдѣ въ дѣйствительности осуществилъ таковое,—Особое Присутствіе приходитъ къ выводу, что учиненное Карповичемъ убійство т. с. Боголѣпова было предумышленное, караемое по 1454 ст. Улож. о наказаніяхъ. Обращаясь затѣмъ къ опредѣленію подсудмому Карповичу наказанія за то преступное дѣяніе, въ коемъ онъ признанъ виновнымъ, Особое Присутствіе Судебной Палаты находитъ, что таковое на основаніи 1454 ст. Улож. о наказ. должно быть ему назначено по 2-й степени 19 ст. Ул. и что, за отсутствіемъ въ дѣяніи подсудимаго какихъ-либо обстоятельствъ, уменьшающихъ его вину, а потому и строгость слѣдующаго за оное наказанія, судъ властенъ избрать ту или другую мѣру наказанія въ предѣлахъ лишь одной указанной выше степени 19 ст. Уложенія. Избирая мѣру наказанія подсудимому Карповичу и

обсудивъ дѣйствія его, какъ предшествовавшія совершенію имъ преступленія, такъ и сопровождавшія оное, Особое Присутствіе усматриваетъ въ нихъ цѣлый рядъ увеличивающихъ вину подсудимаго обстоятельствъ. Прежде всего Карповичъ, вознамѣрившись лишить жизни т. с. Боголѣпова, задолго до совершенія преступленія предпринялъ, какъ это установлено на судѣ и изложено выше, цѣлый рядъ строго обдуманныхъ дѣйствій, при помощи коихъ и получилъ возможность осуществить свой преступный замыселъ. Затѣмъ, по совершеніи преступленія, подсудимый ни на слѣдствіи, ни на судѣ не только ничѣмъ не выразилъ своего раскаянія, но напротивъ того, открыто объяснилъ, что нисколько не сожалѣетъ о случившемся, такъ какъ считалъ своимъ „нравственнымъ долгомъ“ стрѣлять въ министра народнаго просвѣщенія Боголѣпова какъ представителя того режима, которому онъ не сочувствовалъ. Наконецъ, покушаясь на жизнь министра, онъ не могъ не сознавать, что преступное посягательство его направлялось противъ лица, къ которому онъ обязанъ былъ относится съ двойнымъ уваженіемъ: какъ къ представителю власти, стоявшему у самыхъ ступеней престола, и какъ къ своему бывшему начальнику, относившемуся къ нему съ особой внимательностью, какъ это явствуетъ изъ того обстоятельства, что, когда Карповичъ обратился простой телеграммой къ т. с. Боголѣпову съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ему поступить въ юрьевскій университетъ для окончанія образованія, то покойный министръ удовлетворилъ немедленно означенную просьбу, несмотря на то что Карповичъ былъ исключенъ изъ московскаго университета за демонстрацію, имѣвшую политическій характеръ. Признавая посему въ дѣйствіяхъ подсудимаго Карповича наличность обстоятельствъ, указанныхъ въ 129 ст. Улж. о нак., Особое Присутствіе Судебной Палаты находитъ справедливымъ назначить ему наказаніе, опредѣленное во 2-й степени 19 ст. улож. въ высшей мѣрѣ, т. е. по лишеніи подсудимаго Петра Владиміровича Карповича всѣхъ правъ состоянія, сослать его въ каторжныя работы на двадцать лѣтъ съ послѣдствіями по 25 ст. улож. о наказаніяхъ. Судебныя по дѣлу издержки на основаніи 25 и 28 ст. улож. о наказ. надлежитъ обратить на имущество осужденнаго, а въ случаѣ неимѣнія такового, принять на счетъ казны. Изъ числа вещественныхъ доказательствъ револьверъ и пули, какъ орудія преступленія, надлежитъ уничтожить, одежду возратить по принадлежности, а остальные предметы оставить при дѣлѣ.

На основаніи всего вышеизложеннаго Особое Присутствіе С.-Петербургской Судебной Палаты съ участіемъ сословныхъ представителей опредѣляетъ: подсудимаго гомельскаго мѣщанина Петра Владиміровича Карповича 26 лѣтъ на основаніи 1454 ст. 2-й степени 19 ст. и 129 ст. улож. о наказ., *лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы на 20 лѣтъ* съ по-

слѣдствіями по 25 ст. улож. о наказ. Судебныя издержки обратить на имущество осужденнаго Карповича, а въ случаѣ неимѣнія такового принять на счетъ казны. Вещественныя доказательства—револьверъ и пули уничтожить, одежду возратить по принадлежности, а остальные предметы оставить при дѣлѣ.

Вѣрно: и. д. секретаря *Домершиковъ*.

Съ подлиннымъ свѣрялъ *П. Раструбовъ*.

Допросъ Лаговскаго 9 марта 1901 г.

Я, Николай Константиновичъ Лаговскій, 28 лѣтъ отъ роду, сынъ титулярнаго совѣтника, родился въ Нижнемъ Новгородѣ, законнорожденный; родителей уже въ живыхъ нѣтъ. Получилъ образованіе въ нижегородск. реальн. училищѣ, гдѣ прошелъ 4 класса, и затѣмъ въ казанск. земледѣльческомъ училищѣ, гдѣ пробылъ 3 года, но курса не кончилъ: недвижимаго имущества не имѣю. Въ послѣднее время служилъ въ самарской губернской земской управѣ въ должности статистика на жалованіи 50 р. въ мѣсяцъ. Подъ судомъ былъ раньше сего два раза: 1) по приговору полкового суда 102 пѣх. полка въ 1897 или 98 г. отбылъ 2 мѣсяца въ военной тюрьмѣ за побѣгъ изъ военной службы во время отбыванія мною воинской повинности и 2) въ 96 г. привлекался къ дознанію по политическому дѣлу, производившемуся чинами жандармскаго управленія въ Гродно, и былъ подвергнутъ двухмѣсячному тюремному заключенію и высылкѣ въ Ферганскую область подъ особый надзоръ съ ограниченіемъ въ правѣ выбора мѣстожительства.

Я признаю себя виновнымъ въ томъ, что, задумавъ лишить жизни оберъ-прокурора синода, я въ ночь на сіе число произвелъ рядъ выстрѣловъ изъ припасеннаго для этой цѣли заряженнаго револьвера съ улицы въ окна кабинета Побѣдоносцева, когда послѣдній тамъ находился, но окончательно цѣли своей не достигъ, потому что промахнулся, т. е. по обстоятельствамъ, отъ меня независящимъ. Я рѣшился на этотъ поступокъ, потому что нахожу существующій государственный порядокъ ненормальнымъ и изъ разныхъ возможныхъ способовъ его перемѣны я избралъ тотъ, который мнѣ казался наиболѣе подходящимъ, т. е. террористическій. Лично противъ Побѣдоносцева ничего не имѣю, такъ какъ мнѣ никогда не приходилось къ нему обращаться съ какими-либо ходатайствами и получать отказъ. Я задумалъ его убить какъ

лицо, занимающее постъ об.-прокурора синода, потому что мнѣ несимпатична была его государственная дѣятельность.

Съ этою только цѣлью убійства Побѣдоносцева я выѣхалъ изъ Самары сюда, въ Петербургъ, и прибылъ сюда въ воскресенье 4-го марта съ утреннимъ поѣздомъ Ник. ж. д. Револьверъ и патроны къ нему для этой цѣли я купилъ наканунѣ моего отъѣзда изъ Самары гдѣ-то въ лавкѣ желѣзняка. Начиная съ воскресенья 4-го марта до сегодняшней ночи, я выслѣживалъ г. Побѣдоносцева, но не могъ найти удобнаго момента для приведенія своего замысла въ исполненіе. Я увидѣлъ его всего лишь два раза: въ день моего пріѣзда г. Побѣдоносцевъ садился у своего подъѣзда въ карету, а я находился въ портерной напротивъ его квартиры, и затѣмъ въ понедѣльникъ, когда г. Побѣдоносцевъ садился въ карету, отправляясь на похороны Боголѣпова. Ни то, ни другое время не было для меня удобнымъ, а такъ какъ я болѣе нигдѣ встрѣтить Побѣдоносцева не могъ, я высмотрѣлъ сегодня ночью съ Литейнаго проспекта, черезъ освѣщенныя окна кабинета Побѣдоносцева, что онъ тамъ находился, и съ троттуара произвелъ выстрѣлъ въ окно. Я видѣлъ, что Побѣдоносцевъ всталъ съ мѣста и направился по комнатѣ; тогда я послѣдовательно выстрѣлилъ въ слѣдующее, второе и третье окно, пока не растратилъ всѣхъ патроновъ. Сколько я всего выпустилъ зарядовъ — я точно сказать не могу, но теперь вижу, что 4 патрона я разрядилъ выстрѣлами, а на пятомъ револьверъ далъ осѣчку. Послѣ того я направился къ Невскому проспекту, гдѣ и былъ тотчасъ арестованъ.

Ни въ то время, когда я стрѣлялъ, ни раньше товарищей я не имѣлъ и никакіе знакомые меня поблизости не ожидали. Во время моего нахожденія здѣсь въ СПБ. у меня не было пристанища, потому что у меня здѣсь знакомства нѣтъ, а ночи я проводилъ частью на Николаевскомъ вокзалѣ, частью бродилъ по улицамъ. Раньше въ Петербургѣ не живалъ, а только отбывалъ здѣсь оба раза тюремное заключеніе.

Въ Самарѣ я жилъ вмѣстѣ съ братомъ моимъ М. Лаговскимъ по Самарской ул. въ д. № 93. Братъ не былъ мною посвященъ въ мой замыселъ,—я сказалъ ему, будто выѣхалъ въ Казань лѣчиться. Кромѣ брата Михаила, имѣю сестру Анну Лаговскую, жившую въ Ригѣ, но адреса ея не помню, и сестру Марію Шульцъ, жившую въ Твери, которой адреса также не знаю. А также имѣю еще одного брата, Александра, живущаго въ Новгородск. уѣздѣ. Личность Павла Федотова, значащагося въ моей записной книжкѣ, я не знаю, но я ее записалъ, потому что мнѣ указано было, что у него я могу пріобрѣсти билеты на концерты пріѣхавшихъ въ Самару Мравиной и...

Чувствую себя очень утомленнымъ и прошу отсрочить продолженіе допроса до другого времени, и тогда я намѣренъ письменныя, обстоятельныя и подробныя объясненія дать.

Продолженіе допроса 10-го марта.

Я замыслилъ лишить Побѣдоносцева жизни потому, во-первыхъ, что я считалъ его однимъ изъ главныхъ виновниковъ ненормальнаго положенія школьнаго дѣла въ Россіи, при коемъ вносится не просвѣщеніе, въ которомъ она такъ нуждается, а лишь суевѣріе. А кромѣ того, въ общемъ государственномъ смыслѣ я считалъ Побѣдоносцева однимъ изъ главныхъ представителей того политическаго строя, который противорѣчитъ моимъ взглядамъ и убѣжденіямъ.

Я зарядилъ револьверъ еще въ вагонѣ. Въ Петербургѣ я ждалъ Побѣдоносцева у сената, но не дождался. Разсматривая въ описываемый вечеръ 8 марта черезъ прозрачную кисейную занавѣску изъ окна внутренность кабинета, я увидѣлъ, что лампа висѣла надъ письменнымъ столомъ, а сквозь свободное пространство между несовсѣмъ сходящимися частями занавѣски я высмотрѣлъ сидящаго за столомъ самого Побѣдоносцева. Къ тому времени мое нервное напряженіе дошло до своихъ предѣловъ, а въ нѣсколько дней безплоднаго скитанія по улицамъ моя усталость дошла до крайности; къ тому же мнѣ не оставалось средствъ къ жизни, такъ какъ часы съ пиджакомъ и жилетомъ я продалъ и въ карманѣ имѣлъ лишь послѣднія 4 коп. Все это заставило меня рѣшиться сейчасъ же дѣйствовать. Я нашелъ, что Побѣдоносцевъ занимаетъ такую позу, что легко можетъ быть убитъ выстрѣломъ съ улицы черезъ окно. Я дошелъ до Невскаго, потомъ перешелъ на другую сторону Литейнаго и, дойдя по той сторонѣ до дома Побѣдоносцева, выстрѣлилъ въ окно по направленію къ столу, затѣмъ еще разъ и, предположивъ, что Побѣдоносцевъ могъ въ это время перейти въ другую комнату, я выстрѣлилъ въ окно этой послѣдней—въ швейцарскую.

На шумъ на улицѣ никто не собрался. Такимъ образомъ я свободно могъ бы скрыться отъ преслѣдованія, но я не думалъ бѣжать, потому что не хотѣлъ, чтобы произведенные выстрѣлы были отнесены къ убійству бродяги или пьяницы. Я именно и преслѣдовалъ намѣреніе, чтобы на мое дѣйствіе власти и общество взглянули какъ на убійство идейное, какъ на протестъ противъ направленія правительственной дѣятельности.

Шумъ толпы въ 15 человѣкъ, среди нихъ были студенты, при моемъ арестѣ — это неправда. Въ безпорядкахъ 4-го марта я не участвовалъ.

Обвинительный актъ

о сынѣ титулярнаго совѣтника Николаѣ Константиновичѣ Лаговскомъ.

Въ ночь на 9-ое марта 1901 г., въ Петербургѣ неизвѣстный

молодой человѣкъ, подойдя на Литейномъ проспектѣ къ дому № 62, въ коемъ проживаетъ Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода дѣйствительный тайный совѣтникъ Побѣдоносцевъ, съ цѣлью лишить его жизни, произвелъ съ улицы нѣсколько выстрѣловъ въ окна освѣщеннаго въ то время кабинета и смежной съ послѣднимъ передней, послѣ чего пытался бѣжать, но былъ задержанъ и оказался сыномъ титулярнаго совѣтника Николаемъ Константиновичемъ Лаговскимъ. На возникшемъ по сему поводу предварительномъ слѣдствіи показаніями допрошенныхъ въ качествѣ свидѣтелей крестьянъ: Василія Корнѣева и Ивана Сапожникова, чиновника Императорской Публичной библіотеки Николая Иванова, крестьянина Александра Дрязгова, дворника Николая Широкова, околоточнаго надзирателя Алексѣя Волочкова и городового Василія Александрова, установлено, что въ періодъ времени съ 4-го по 8-е марта Лаговскій по нѣсколько разъ въ день посѣщалъ портерную, находящуюся напротивъ квартиры Статсъ-Секретаря Побѣдоносцева, и распрашивалъ служащихъ въ означенной портерной о томъ, кто въ упомянутомъ домѣ проживаетъ; 6-го марта онъ заходилъ въ публичную библіотеку, разсматривалъ тамъ справочное изданіе „Весь Петербургъ“, отправился къ зданію Святѣйшаго Синода и наводилъ у торгующаго папиросами крестьянина Дрязгова справки о томъ, въ какіе дни и часы Оберъ-Прокуроръ бываетъ въ Синодѣ. Въ ночь на девятое марта, когда около четверти перваго часа послышались выстрѣлы, стоявшіе на посту, на углу Невскаго и Владимірскаго проспектовъ, околодочный надзиратель Волочковъ и городовой Александровъ поспѣшили на мѣсто происшествія, бросились за бѣжавшимъ, по направленію къ Малой Итальянской улицѣ, Лаговскимъ. Послѣдній вскорѣ задержанъ былъ дворникомъ Широковымъ, попытался отъ него вырваться и скрыться въ обратномъ направленіи, что ему, однако, не удалось, такъ какъ въ это время онъ арестованъ былъ Волочковымъ и Александровымъ. *)

Изъ показанія Статсъ-Секретаря К. П. Побѣдоносцева усматривается, что въ означенную выше ночь онъ занимался въ сво-

*) Обвинит. актъ самъ себѣ противорѣчитъ. Съ одной стороны, онъ, на основаніи показаній полицейскихъ и дворника, утверждаетъ, что Лаговскій пытался избѣгнуть ареста, а съ другой—въ согласіи съ показаніями Л. мы читаемъ ниже: „Обвиняемый самъ пожелалъ быть арестованнымъ...“ Разгадка этого противорѣчія на-лицо: полицейскіе и дворникъ разукрасили свои заслуги по поимкѣ „злоумышленника“. Составитель обвинительнаго акта, очевидно, самъ не вѣритъ показаніямъ блюстителей порядка; въ противномъ случаѣ онъ, конечно, постарался бы, по меньшей мѣрѣ, подвергнуть сомнѣнію показанія Лаговскаго по этому пункту.

Ред.

емъ кабинетѣ, обращенномъ окнами на Литейный проспектъ и освѣщенномъ электрическою лампою; около четверти перваго часа г. Побѣдоносцевъ перешелъ въ свой внутренній кабинетъ, при чемъ въ это время услышалъ выстрѣлы, произведенные съ улицы въ окно и, выйдя въ переднюю, обратился къ швейцару Сергѣеву за разъясненіемъ означеннаго происшествія. Спрошенный по этому предмету, швейцаръ Егоръ Сергѣевъ удостовѣрилъ, что, когда злоумышленникомъ произведенъ былъ выстрѣлъ въ окно передней, то Оберъ-Прокуроръ Св. Синода стоялъ еще на площадкѣ лѣстницы, ведущей изъ упомянутой передней въ кабинетъ и расположенной противъ означеннаго окна.

По осмотрѣ, произведенномъ судебнымъ слѣдователемъ, установлено, что въ нижнемъ этажѣ дома № 62 по Литейному пр., на лѣвой сторонѣ отъ передней, находятся кабинетъ и гостинная Оберъ Прокурора Св. Синода. Нижній край оконъ этихъ комнатъ отстоитъ на одну сажень отъ уровня троттуара, рядомъ же съ кабинетомъ находится окно передней, прорубленное на высотѣ 1¾ арш. отъ троттуара. Въ этомъ послѣднемъ, въ верхнемъ правомъ стеклѣ, имѣется въ зимнихъ и лѣтнихъ рамахъ по одному круглому отверстію, пробитому насквозь. Въ смежномъ же окнѣ кабинета, въ первомъ стеклѣ усмотрѣно по два сквозныхъ круглыхъ отверстія съ расходящимися отъ нихъ трещинами стеколъ. Нижняя часть окна кабинета завѣшана бѣлыми полупрозрачными кисейными занавѣсками, въ которыхъ равнымъ образомъ видны пробитыя мѣста. Нижнее изъ упомянутыхъ выше отверстій стекла приходится на прямой линіи противъ туловища человѣка, сидящаго въ серединѣ кабинета за письменнымъ столомъ, а на потолкѣ кабинета видны два слѣда поврежденной пулями штукатурки, подъ которыми на коврѣ пола, по удостовѣренію пристава 2-го уч. Литейной части подполковника Лѣсникова, подняты были сплюснутыя двѣ пули. Въ передней точно также обнаруженъ на потолкѣ слѣдъ штукатурки, поврежденой пулею, которая найдена полотерами за диваномъ. При дополнительномъ же осмотрѣ, произведенномъ при вечернемъ освѣщеніи, установлено, что сквозь полупрозрачныя кисейныя занавѣски, находящіяся на окнахъ кабинета Статсъ-Секретаря Побѣдоносцева, лицу, стоявшему на троттуарѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ стѣны дома, ясно видно какъ расположеніе письменнаго стола въ кабинетѣ, такъ равно и движенія человѣка, сидящаго за этимъ столомъ. По предъявленіи отобраннаго отъ Лаговскаго револьвера спрошенному въ качествѣ эксперта оружейному мастеру Георгію Леженъ, послѣдній удостовѣрилъ, что означенный револьверъ системы „Буль-Догъ“ такого же калибра „370“, какъ и патроны, найденные въ вещахъ Лаговскаго. Револьверъ этотъ бельгійской работы, содержитъ четыре мѣдныя гильзы и одинъ боевой патронъ съ слѣдомъ осѣчки на шляпкѣ пистона, а пули, обнаруженныя въ

квартирѣ Статсъ-Секретаря Побѣдоносцева, могли быть выпущены изъ упомянутаго револьвера, который обладаетъ достаточною силой для того, чтобы на разстояніи 20-24 шаговъ выстрѣломъ изъ него убить человѣка.

Въ виду приведенныхъ данныхъ, Николай Лаговскій былъ привлеченъ къ слѣдствію по обвиненію въ покушеніи на предумышленное убійство Статсъ-Секретаря Побѣдоносцева. Признавая себя виновнымъ въ означенномъ преступленіи, обвиняемый объяснилъ, что онъ находитъ существующій государственный порядокъ ненормальнымъ и въ особенности не сочувствуетъ направленію государственной дѣятельности Статсъ-Секретаря Побѣдоносцева, которая, по его мнѣнію, вредно отражается на народномъ образованіи. Узнавъ изъ газетъ объ убійствѣ министра народнаго просвѣщенія, Лаговскій рѣшилъ послѣдовать примѣру Карповича, и съ цѣлью убить Статсъ-Секретаря Побѣдоносцева прибылъ 4-го марта изъ Самары, гдѣ постоянно проживалъ, въ С.-Петербургъ. Тотчасъ послѣ своего пріѣзда онъ началъ слѣдить за Оберъ-Прокуроромъ на улицѣ передъ его домомъ, а равно изъ портерной, находящейся на противоположной сторонѣ проспекта. Первоначально Лаговскій предполагалъ стрѣлять въ Статсъ-Секретаря Побѣдоносцева при выходѣ его изъ дома или же на похоронахъ покойнаго министра Боголѣпова, но такъ какъ ему не представилось подходящаго случая, то онъ отправился 6-го марта въ публичную библіотеку и въ книгѣ „Весь Петербургъ“ навелъ справку о томъ, когда Оберъ-Прокуроръ бываетъ въ Синодѣ. Узнавъ, что Статсъ-Секретаръ Побѣдоносцевъ ѣздитъ въ Синодъ по средамъ, онъ поджидалъ его въ этотъ день у зданія Синода до двухъ часовъ, а затѣмъ спросилъ у торговца папиросами (Дрязгова), въ какіе дни Оберъ-Прокуроръ пріѣзжаетъ. Освѣдомившись о томъ, что г. Побѣдоносцева можно застать въ Синодѣ по четвергамъ, обвиняемый на слѣдующій день (въ четвергъ) снова поджидалъ его возлѣ зданія Синода. Не заходилъ же онъ ни въ домъ Оберъ-Прокурора, ни въ самый Синодъ, опасаясь, что послѣ убійства Тайнаго Совѣтника Боголѣпова, его при входѣ обыщутъ и найдутъ у него револьверъ, заряженный еще въ вагонѣ, по дорогѣ изъ Самары въ Петербургъ. Получивъ свѣдѣнія отъ какого-то прохожаго, встрѣченнаго имъ на Литейномъ проспектѣ, что на улицу выходятъ окна кабинета Статсъ-Секретаря Побѣдоносцева и, замѣтивъ ночью съ противоположной стороны проспекта, что г. Побѣдоносцевъ сидитъ за письменнымъ столомъ, онъ, Лаговскій, подошелъ къ дому Оберъ-Прокурора и съ троттуара стрѣлялъ въ окно кабинета съ цѣлью убить г. Побѣдоносцева, а затѣмъ въ слѣдующее окно, при чемъ одинъ изъ его выстрѣловъ далъ осѣчку. Обвиняемый самъ пожелалъ быть арестованнымъ, дабы обратить вниманіе общества на „идейный“ характеръ своего преступленія.

Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній видно, что Н. Лаговскій уже ранѣе сего отбывалъ наказаніе за государственное преступленіе и за побѣгъ изъ военной службы.

На основаніи всего вышеизложеннаго сынъ титулярнаго совѣтника, Ник. Конст. Лаговскій, 28 лѣтъ, обвиняется въ томъ, что, задумавъ лишить жизни статсъ-секретаря Побѣдоносцева, въ качествѣ лица, занимающаго постъ Оберъ-прокурора Синода, съ этой цѣлью... (слѣдуетъ снова описаніе покушенія).

Преступленіе это предусмотрѣно ст. 9 и 1454 ул. о наказ. 201 ст.устава уголовнаго судопроизводства и подлежитъ суду Петербургской Судебной Палаты съ участіемъ сословныхъ представителей.

Какъ извѣстно, Лаговскій былъ приговоренъ къ 6 годамъ каторги.